

Слово и образ (Кто из двух главный?)

Здесь мы подробно рассмотрим два чрезвычайно мощных инструмента. Каждый день мы сталкиваемся с ними, каждый день связанный с ними дух пытается проникнуть в нас, каждый день собственный дух каждого человека становится целью намерений других духов. Среди них наибольшее влияние приобретают те, кто лучше других знает, как управлять психологическими процессами, побуждаемыми словами и образами.

Как общественное существо, ни один человек не может избежать такого положения вещей. С другой стороны, фундаментальная способность человека к рефлексии позволяет ему мысленно фильтровать все, что поступает к нему в виде информации или даже чувственно воспринимаемых сообщений. Какой вывод мы можем сделать из этих знаний?

Прежде всего, отсюда вытекает необходимость самоанализа собственной системы ментальной фильтрации, т.е. осознания ее принципов и калибровки. Эта озабоченность является не только необходимой процедурой психологических или психотерапевтических школ, но и обоснована тайной, которая делает человека человеком — то есть его сущностью или, как говорят ученые, ипостасью (греч.) или субстанцией (лат.). Таким образом, это касается каждого человека, хочет он этого или нет. Вопрос лишь в том, есть ли у нас желание поступить справедливо по отношению к человеческой сущности и активировать эту специфическую способность? Более того, можно задать вопрос: где проводит свои границы существующее завещание такого рода?

Поскольку все мы в большей или меньшей степени ориентированы на со-общество, феномен массы возникает как эффект влияния, как описано выше. Чтобы получить представление о "массе" в ее основном значении, можно вспомнить о тесте для хлеба или пирога (масса = неформованный материал, комки последовательно одинакового материала, кучки, лепешки...). Гюстав ле Бон (1841-1931) взял на вооружение термин „масса" в психологии и написал классическую "Психологию масс". Ко-

нечно, он был не единственным психологом своего времени, который занимался феноменом масс. Обратим внимание на то, что речь идет о научном исследовании психики. Это слово — греческое название души. Тем не менее, сегодня имеет смысл определить разницу между душой и психикой в той мере, в какой "психика" относится ко всему, что может быть систематически и научно описано как душевные явления. Сама душа не понятна другим, понятны только ее более или менее закодированные коммуникативные выражения.

Эффекты, которые приводят к массовости людей, в то же время являются эффектами, которые подавляют способность прийти к правильным выводам. Человек, которым манипулируют в массовом режиме, уже не в состоянии здраво (рационально) разобраться или оценить рассматриваемый вопрос, не отключив свою психику от манипуляции, о которой идет речь. Эмоции взяли верх над массами. В этом состоянии правит не голова как место разума и не сердце как место обдуманной воли, а живот, который служит тронem для эмоций. В психоанализе (глубинной психологии) Зигмунда Фрейда (1856-1939) живот представляет ид, движущие силы человека. Взаимодействие мышления, чувств и желания приводит к тому, что можно распознать в человеке, но нельзя описать исчерпывающе.

Гюстав ле Бон описывает толпу не как большое количество людей, например, подавляющее большинство народа, а как психологически описываемое коллективное состояние, возникшее у нескольких людей в результате одного и того же эмоционального движения. Соответственно, даже небольшая толпа людей может стать массой. Поскольку общество также характеризуется чем-то общим, что объединяет принадлежащих к нему людей, термины "масса" и "общество" тесно связаны, за исключением того, что в случае массы решающую роль играет эмоциональная сфера, тогда как в случае общества это скорее объективная сфера интересов.

В исторические времена мастера риторики понимали, как создавать массы из больших аудиторий без электротехнических или даже элек-

тронных приспособлений. Сегодня, однако, существует гораздо больше возможностей, которые можно использовать для этой цели. Прежде всего, именно сила изображения — будь то неподвижное или движущееся изображение — позволяет использовать его для массового обучения и психического массового манипулирования. Эдвард Бернайс в своей книге "Пропаганда" показывает, что крупные деловые предприятия опередили политиков в этом вопросе. Только после того, как они признали большой успех экономической пропаганды, они взяли на вооружение и этот метод. Когда термин "пропаганда" стал вызывать негативно воспринимаемые вторичные идеи, его постепенно заменили термином "связи с общественностью". Дословного перевода этой пары терминов на "связи с общественностью" в немецком языке стараются избегать. Вместо этого мы говорим "связи с общественностью", хотя английский термин на самом деле больше относится к инициации таких отношений. Более подходящим названием для этой концепции было бы "эффективное для бизнеса массовое предложение".

С этой точки зрения, так называемые масс-медиа больше не выглядят как СМИ для масс, а как СМИ, формирующие массы. После того, как соответствующие массы были созданы таким образом посредством кондиционирования, их можно считать в значительной степени обеспеченными как потребителей медиа в долгосрочной перспективе. Бизнес-намерение, стоящее за этим процессом, не может быть более очевидным. Чем больше используется изображение, например, фотография, сопровождающая текст, тем больше дополнительный фактор воздействия на передаваемое сообщение — как говорится, картинка стоит тысячи слов.

Верно ли это утверждение? Действительно ли фотография говорит больше, чем слова? Мы приблизимся к сути вопроса, если заменим здесь „сказать" на "эффект". Фотография имеет больший эффект, чем тысяча слов. Он имеет более сильный эффект, чем текст, особенно в плане создания толпы, потому что он обращается к эмоциям прямым способом. Некоторое время назад я наткнулся на научно-популярный текст на эту тему. В ней говорится, что нейронные пути восприятия изображений

отличаются от путей восприятия текста. Это имеет смысл, потому что картина, в отличие от текста, не должна быть разложена словесно и грамматически для того, чтобы быть понятой, а поступает непосредственно в сознание и только потом, если это вообще возможно, мысленно описывается и интерпретируется наблюдателем на его или ее доминирующем языке. Поэтому разум не так вовлечен в восприятие изображений, как в понимание текста.

Таким образом, с помощью картинок эмоции вызываются в сокращенном виде без аналитической обработки поступающей информации, как приятные с эстетическим соответствием, так и неприятные через неэстетические или иные отталкивающие эффекты. Согласно этому трактату, если человек мало читает в течение длительного времени, на протяжении нескольких лет, но воспринимает много изобразительной информации, ответственная система проведения стимулов привыкает к ходу изобразительного пути восприятия, так что он преобладает, а слова уже недостаточно анализируются, осмысливаются и соотносятся друг с другом. Таким образом, значительно снижается способность к критическому анализу усваиваемой информации, в то время как наступление массового внушения и массового образования сильно поощряется. Любые противоречия в смысле поступающей информации больше не распознаются.

Без этого отрывки из контекста часто могут быть истолкованы не так, как они задумывались. Это относится как к текстам, так и к изображениям. К этому добавляется возможность внесения изменений как в тексты, так и в изображения. Технические средства для редактирования изображений доведены до высочайшего уровня, так что из них можно сделать практически все, что угодно. Вряд ли существуют какие-либо ограничения в использовании эмоциональных эффектов изображения для конкретных целей, а постоянно растущее, чрезвычайно распространенное потребление изображений, соответственно, закрепило процессы восприятия у большинства людей, которые настроены на них. Результатом этого являются высокоэмоциональные общества с конечно-

стями, чья способность к са-морerefлексии в значительной степени заблокирована. Опытный немецкий психиатр и психотерапевт Иоахим Мааз говорит о нарциссическом обществе. На хорошем, общепонятном немецком языке, это общество самоиндульгенции — общество, находящееся в абсолютно токсичном социальном состоянии.

Саморефлексия предполагает ряд вещей, которые редко встречаются в таких обществах. Сегодня необходимо снова работать над этими предпосылками, потому что они сами по себе в наши руки не попадают. Мы должны отказаться от моральной и социальной критики, которая прорастает из манипулируемых эмоций и всегда разрушительна, если хотим остановить упадок разума. Конструктивная критика не эмоциональна, а основана на логике и разуме.

Наш термин "логика" в конечном итоге восходит к греческому слову "λόγος" (логос), за которым закреплено обширное поле значений, где на первый план выходят значения "слово", "говорение", "речь", „сообщение“, "коммуникация". Это слово также используется в значении „причина“, что уже говорит о тесной связи между "словом" и "причиной". Мы должны ориентироваться на слово и тренировать нейронные пути, по которым обрабатывается полученное слово. Само собой разумеется, что потребление изображений должно быть резко сокращено. "Образный пост" необходим для того, чтобы снять доминирование пути восприятия образов и вновь предоставить восприятию слов его законное доминирование. Мы руководствуемся здесь этой необходимостью, поэтому здесь много текстов и всего несколько фотографий. Посетители наших страниц могут сразу же начать это обучение с ними. Результаты не приходят в одночасье. Они требуют, чтобы человек продолжал идти по выбранному пути — всю жизнь. Но тогда они также являются соответственно неизбежными и освобождающими.

Начните сегодня и продолжайте завтра!

(Вернуться в предметную область)